

Воронцов Д.В.

Гегемонная маскулинность и механизмы отношений доминирования в межгрупповом общении как социально-психологические детерминанты феномена терроризма в России

В статье рассматриваются гендерные и социально-психологические детерминанты, обеспечивающие устойчивое поддержание и развитие террористической активности на территории Российской Федерации, вовлечение в экстремистские практики новых социальных групп.

Ключевые слова: политический конфликт, гегемонная маскулинность, механизмы доминирования, межгрупповые отношения, социально-психологические детерминанты терроризма.

Терроризм как крайняя форма экстремизма представляет собой идеологию политического насилия и практику силового давления на органы государственной власти и местного самоуправления, а также на институты гражданского общества с целью изменения основ конституционного строя и нарушения целостности страны. Отличительной чертой терроризма от других форм экстремистской деятельности является устрашение широких слоев населения, не имеющих прямого отношения к политическому противостоянию. Это устрашение достигается актами, приводящими к смерти или жестоким травмам, или причиняющих иной значительный ущерб и тяжкие последствия материального или психологического толка [4].

Выступая средством политического насилия, терроризм выполняет функцию разрешения конфликтов в системе межгрупповых отношений, в которых имеется специфическая конфигурация власти, без изменения которой устранить террористическую активность, по-видимому, невозможно. В соответствии с концепцией Ральфа Дарендорфа, межгрупповой конфликт возникает в такой системе отношений, в которой одна группа тотально доминирует над другой [1]. Как правило, понятие конфликта используется в случае нарушения установленного порядка только со стороны подчиненной (взбунтовавшейся) группы. Между тем ситуация конфликта выражает определенную конфигурацию власти в межгрупповых отношениях принципиально неравноправных партнеров. Следовательно, в конфликте всегда есть два, а не один ключевой агент, две, а не одна «ответственная» сторона. Любой явный конфликт в теории Р. Дарендорфа является всего лишь вершущкой айсберга в длительной истории отношений доминирования и подчинения. Между тем, с точки зрения доминирующей группы этот бунт всегда кажется «несвойственным» для отношений с подчиненной группой, поскольку механизмы вертикальной власти в отношениях всегда скрывают истинные причины возмущения.

На выбор терроризма в качестве средства решения политических проблем влияют множество факторов. Есть немало примеров вовлечения в террористическую

активность и людей из социально благополучной среды, в том числе – русских (например, знаменитый террорист Саид Бурятский). Примером также может служить ситуация с радикализацией исламской общины в Республике Татарстан. Как отметил в своем докладе казанский теолог Ф. Салман (в недалеком прошлом муфтий Татарстана), среди татарстанских салафитов далеко не все – люмпены, это дети обеспеченных родителей [2]. Это обстоятельство заставляет обратить внимание не на экономическую, а на социально-психологическую подоплеку экстремистского движения. Среди социально-психологических факторов террористической активности ключевыми, на наш взгляд, можно полагать два: конструкт гегемонной маскулинности и механизмы, обеспечивающие доминирование/подчинение в процессе межгруппового общения.

Из анализа проблемы терроризма выпадает важный для ее понимания элемент – содержание распространенного в российском обществе конструкта гегемонной маскулинности, в котором насилие является легитимным средством защиты чести и достоинства, адекватным ответом на чувство унижения. Осуществление насилия связано в конструкте гегемонной маскулинности с доступом именно к политической власти. Этому конструкту следуют и террористы, и борцы с ними (люди, представляющие российскую государственную власть).

Попытки увязать террористическую активность и возникновение террористических намерений с террористической пропагандой только скрывают то обстоятельство, что такая пропаганда падает на подготовленную задолго до ее появления почву. Пропаганда просто использует то, что давно функционирует в умах самых разных людей, придерживающихся кардинально противоположных политических взглядов. Они не замечают, что именно конструкт маскулинности является тем общим основанием, которое взаимно поддерживает их борьбу друг с другом и обеспечивает позитивный отклик в социальных группах, интересы которых выражают как террористы, так и борцы с ними. Именно конструкт маскулинности запускает круговое силовое противоборство: чем больше мы наращиваем «мускулы» в борьбе с терроризмом, чем больше насыщаем социальное пространство элементами силового противостояния экстремизму, тем на самом деле выше и прочнее становится сознательная установка всех людей (в том числе и террористов) на то, что силовое решение самых разных проблем, связанных с ущемлением чьих-то прав и достоинства, является самым оптимальным и достойным.

Когда речь идет об исламском терроризме (в более узком смысле – кавказском терроризме), то в качестве лежащего на поверхности объяснения выступает мысль об особом кавказском менталитете, в котором насилие является «нормальным» явлением, сочетающимся с высоким уровнем бедности. Откуда-де и берется склонность к силовому перераспределению богатства, которому некие эмиссары придают нужную политическую окраску, превращая обычный бандитизм в вооруженное идейное противостояние. Так сказать, пользуются удобным поводом.

Однако если обратить внимание на социальную иерархию в стране, на нормативную идеологию, на характер взаимодействия власти и населения,

а также на содержание гендерной идентичности (маскулинности и фемининности) террористов и борцов с ними, и на гендерную идеологию (систему идей, взглядов о построении общества и характере отношений мужчин и женщин, их интересах), то возникает ощущение, что терроризм в немалой степени поддерживается действиями самих российских властей. Патриархатно маскулинный характер российской политической власти проявляется в самых различных дискурсивных формах («мочить в сортире», «обрезать по самые яйца», «палкой по башке» и т.п.). Гегемонность такой маскулинности проявляется, прежде всего, в придании насилию функции властного мужского атрибута как легитимного средства достижения политических целей через тотальное подчинение себе других. И руководители страны, и террористы, эксплуатируя образ мужчины-защитника (отечества, групповых интересов и т.п.) под воздействием гегемонной патриархатно маскулинности вынуждены постоянно доказывать себе и другим, что они достойны власти как «настоящие» мужчины, способные подавить и уничтожить противника.

Патриархатно маскулинные установки в авторитарной системе «вертикали власти» воспроизводятся на всех социальных уровнях. В аспектах социальной иерархии и характера взаимодействия власти с народом существенным элементом, поддерживающим терроризм на территории России, выступает именно вертикаль политической власти, обеспечивающая безусловное доминирование (гегемонию) определенных социальных групп. Эта вертикаль создает неравные условия для социальных групп в процессе принятия решений, касающихся их социального будущего и затрагивающих ключевые ценности и нормы. Ощущение нерушимой асимметрии между группами выступает ключевым мотивом насильственного свержения тотально доминирующей власти.

Доминирование, согласно Эрике Апфельбаум, проявляется в следующих характеристиках: а) все права и привилегии концентрируются на одной стороне и определяются только лишь доминирующей группой; б) только лишь доминирующая группа имеет право устанавливать границы, определять природу действующих прав, обязанностей и привилегий; в) другие группы не участвуют в определении прав и привилегий с учетом своих интересов и в определенном смысле лишены их [3]. Таким образом, доминирующая власть не имеет договорной основы, что побуждает ущемленные группы действовать силой. Ведь они оказываются политически «невидимыми», игнорируемыми, лишенными автономного от доминирующей группы существования. Но здесь есть еще одно важное обстоятельство: при таких отношениях ни одна из групп не может существовать автономно друг от друга, поскольку доминирование всегда предполагает тех, кто будет подчиняться. Отношения доминирования вынужденно производят подчиняемые группы, за счет которых устанавливается дисбаланс предпочтений и прав, обеспечивающий доминирующей группе преимущество. Ведь она воспринимает себя в качестве высшей по статусу группы только лишь при условии сравнения с теми, кто по статусу ниже.

Доминирующая группа воспринимается в качестве защитника универсальных норм и ценностей, которых не существует как раз в таком универсальном качестве. А нормы и ценности, которых придерживаются политические противники, в условиях доминирующей власти объявляются своеобразными и неприемлемыми для всей социальной системы. Доминирование всегда выстраивается по принципу «Мы» – «Они», что предполагает стигматизацию или навешивание ярлыка на представителя оппозиционной группы. Именно такой механизм маркирования представителя оппозиционной силы позволяет исключить его процесса взаимодействия равных и установить в качестве единственно верных только ценности и правила, отражающие интересы доминирующей группы. Таким образом, в условиях отношений доминирования жесткое разделение на своих и чужих выступает не просто механизмом социальной дифференциации, но и механизмом исключения подчиненных оппозиционных групп, задающим всем им одинаковую судьбу невидимых маргиналов.

Вторым механизмом установления отношений доминирования наряду со стигматизацией является разгруппировка (дегруппирование) подчиненных оппозиционных групп. Любая группа, имеющая независимое, автономное существование представляет угрозу для доминирующей группы. Поэтому доминирующая группа вынуждена так организовывать процесс контроля оппозиции, чтобы провоцировать в ней внутренний раскол. Именно разрушение структуры делает оппозиционную группу полностью подчиняемой доминирующей группе.

Доминирующая группа создает иллюзию гомогенной социальной структуры с общими для всех интересами и формирует идеологию, согласно которой любой может и должен стремиться к единому стандарту жизни – независимо от того, принадлежит ли человек к доминирующей или подчиненной группе. Параллельно создается и поддерживается социальная структура, не позволяющая подавляемым группам иметь пространство и средства для реализации своих интересов.

Доминирование также проявляется в виде иллюзорной социальной мобильности и имитации равноправия через символическое предоставление равных прав и чисто формальное проведение в жизнь принципа десеграции. Создание формального равноправия является обязательным условием для поддержания видимости социальной мобильности и сокрытия практик исключения представителей подавляемых групп из социальной системы. Видимость равноправия только лишь усиливает статус доминирующей группы, поскольку она допускает равноправие исключительно в рамках процесса удовлетворения собственных интересов, но не допускает равноправия отличающихся интересов подавляемых групп. Поэтому декларирование равноправия в условиях идеологии монолитной социальной структуры также направлено на поддержание тотального неравенства, хотя внешне все выглядит вполне «демократически».

Поддержание иллюзии равноправия доминирующей и подчиненной группы в условиях вертикали власти также обеспечивается через включение некоторых символических фигур из числа оппозиции во властные структуры и ключевые

социальные институты, а также через создание про-властных негосударственных структур. Однако эти люди и эти организации ограничены в своих действиях по защите интересов подчиняемой группы обязательствами перед доминирующей группой, властью, на основе которых их и включили «во власть». Также им отводится роль «статистов» в социальных резервациях, призванных показывать «представленность» интересов недоминирующей группы, тогда как в этих резервациях реальных механизмов реализации специфических интересов (отличных от интересов доминирующей группы) власть не создает. Эти «статисты» могут взаимодействовать на равных только с представителями доминирующей группы, тогда как с представителями «своей» группы они могут вести себя только с позиции группы доминирующей (фактически, как «чужие» для нее). При этом они всегда находятся под угрозой «смещения» представителями доминирующей группы, если начнут выражать не ее интересы.

Для поддержания видимости социальной мобильности для подчиняемой группы, доминирующая группа использует ряд механизмов социального контроля: под видом помощи она выбирает из подчиняемой группы тех ее членов, которые могут выиграть от сотрудничества с ней, от предоставления им возможности социальной мобильности.

Следующим механизмом поддержания статуса доминирующей группы выступает разобщение членов подчиняемой группы и блокирование возможности общения между ними в отношении удовлетворения интересов, не вписывающихся в интересы доминирующей группы.

Поддержанию доминантного порядка также способствует практика размытия культурной определенности группы: блокирование специфических способов самовыражения групповой идентичности (вытеснение на периферию специфического группового языка – наречия, – и его негативная маркировка), отрицание возможности истории группы в качестве особой общности, могущей иметь автономный от доминирующей группы путь развития, подчеркивание в истории группы только ее зависимого статуса, неспособности к устойчивой и эффективной самоорганизации, маргинальности группы в ее истории взаимодействия с доминирующей группой.

Последним механизмом доминирования является регулирование каналов и способов выражения интересов подчиненной группы. Доминирующая группа монополизирует определенные каналы и легитимные способы выражения интересов (создает дискриминационные институты и законы), переводя удовлетворение любых не вписывающихся в представления доминирующей группы интересов в разряд незаконных. Тем самым она оставляет подчиненной группе возможность удовлетворять свои интересы только лишь незаконными средствами и превращает ее в сообщество девиантов, по отношению к которому возможна только практика маргинализации.

В результате действия этих механизмов доминирования в межгрупповом политическом общении, базирующемся также и на конструкторе патриархатной

гегемонной маскулинности, запускается порочный круг отношений, в которых терроризм является неотъемлемым структурным компонентом. Без разрыва этого круга, без отказа от гегемонной маскулинности и вертикали власти, представляется маловероятным редуцировать влияние этих социально-психологических факторов на террористическую активность.

Литература

1. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
2. Радикальный ислам в Татарстане: остались только силовые решения? // [Электронный ресурс]: www.regnum.ru/news/polit/1352872.html (Дата посещения 5 декабря 2010).
3. Apfelbaum E. Relations of Domination and Movements for Liberation: An Analysis of Power between Groups (Abridged) // *Feminism & Psychology*. – 1999. SAGE (London, Thousand Oaks and New Delhi). – Vol. 9(3). – P. 267–272.
4. Bliuc A.M., McGarty C., Reynolds K., Muntele D. (2007). Opinion-based group membership as a predictor of commitment to political action // *European Journal of Social Psychology*. – 37. – P. 19–32.